

**П.П. Серков. ПРАВООТНОШЕНИЕ (НРАВСТВЕННОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ): монография.
М.: Норма, 2020. – 688 с.**

© 2021 г. Н. Н. Цуканов

Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Красноярск

E-mail: Nikolai_Zukanov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

Аннотация. Представленная работа является рецензией на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)». В рецензии дается общая оценка научного труда, показан его фундаментальный характер, оцениваются ключевые положения и выводы автора, отмечаются перспективы дальнейшего научно-практического использования полученных результатов. По мнению рецензента, работа ориентирована в первую очередь на философию права. На фоне общей высокой оценки научного труда обращается внимание на ряд спорных положений, касающихся прежде всего вопросов соотношения права и нравственности в системе социальных регуляторов.

Ключевые слова: нравственность, правоотношение, механизм правоотношения, правовое регулирование, социальные регуляторы.

Цитирование: Цуканов Н.Н. П.П. Серков. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования) // Государство и право. 2021. № 4. С. 161–164.

DOI: 10.31857/S102694520000000-1

**P.P. Serkov. LEGAL RELATIONS (THE MORALITY
OF MODERN LEGAL REGULATION): monograph.
M.: Norma, 2020. – 688 pp.**

© 2021 N. N. Tsukanov

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk

E-mail: Nikolai_Zukanov@mail.ru

Received 02.02.2021

Abstract. The presented work is a review of P.P. Serkov's monograph "Legal relations (the morality of modern legal regulation)". The review provides a general assessment of the scientific work, shows its fundamental nature, evaluates the key provisions and conclusions of the author, and notes the prospects for further scientific and practical use of the results obtained. According to the reviewer, the work is focused primarily on the Philosophy of Law. Against the background of the general high assessment of the scientific work, attention is drawn to a number of controversial provisions concerning, first of all, the relationship between law and morality in the system of social regulators.

Key words: morality, legal relationship, legal relationship mechanism, legal regulation, social regulators.

For citation: Tsukanov, N.N. (2021). P.P. Serkov. Legal relations (the morality of modern legal regulation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 161–164.

Оценивая содержание и значение монографии д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ П.П. Серкова, необходимо учитывать как минимум две ее существенные особенности. Прежде всего это авторский стиль изложения, делающий знакомство с работой весьма интересным, но вместе с тем непростым занятием. Как отмечает по этому поводу в своем предисловии к книге В.Н. Синюков: «П.П. Серков пишет в очень странной для теоретического повествования манере полного творческого своеволия, попирая привычные нормы и формы, выстраивая затейливые лабиринты мысли, куда забредает его творческое воображение»¹. В тексте часто используется констатация научной недоказанности как основание для неожиданной постановки вопроса, формулирования проблемы. Например: «Не доказано, что субъективное право по своей ментальности не “учит” брат, но приучает отдавать» (с. 527); «остается недоказанным тот факт, что человек, воспитываемый на идеях субъективного права, как субъект механизма индивидуальных правоотношений однозначно усваивает, в частности, равенство своего права и своей же субъективной обязанности» (с. 529); «не доказано существование естественного раздельного источника ощущений ценностей права и ощущений ценностей обязанностей» (с. 532); «не представлено весомых конкретных доказательств того, что право в любой гипотезе всецело управляет правовой действительностью и приводит в движение всю масштабность межличностного общения» (с. 514) и т.д.

Характерное для П.П. Серкова массивное использование логически объемных терминологических конструкций, во многих случаях влекущих возможность их многозначности, ведет к тому, что текст используется автором не только для передачи информации, но и (в гораздо большей степени, чем это характерно для большинства научных работ) для выражения личного восприятия предмета. Именно поэтому ряд утверждений вне контекста работы могут показаться читателю непонятными, например: «В настоящее время эта логика не работает из-за фактической неостребованности конструкции правоотношения» (с. 254); «до настоящего времени правовые нормы не обрели своей постоянной правоприменительной универсальной траектории» (с. 271); «при таком концептуальном подходе отдельная взятая норма, при всей важности, не приобретает абсолютного решающего значения для доктрины правового регулирования» (с. 435); «в ходе таких разработок прояснится, должны ли общество и государство всегда уповать только на правовое регулирование, а точнее, на государственное принуждение органов власти» (с. 389); «деликтоспособность практически невозможно отличить от правосубъектности, так как она представляет собой условную её специализацию применительно к юридической ответственности» (с. 555) и т.д. Это первая важная особенность работы.

Ее вторая особенность заключается в том, что предмет рассуждений П.П. Серкова не просто значительно шире заявленной темы монографии, но и не предполагает её явного доминирования. В тексте упоминаются и так или иначе используются высказывания Клавдия Галена, Цицерона, Плутарха, Сенеки, Патриарха Кирилла, апостола Павла, Иисуса Христа, раскрываются категорический императив И. Канта, абсолютная идея Г. Гегеля, приводятся выводы и суждения Фомы Аквинского, Ф. Бэкона, Ч. Дарвина, Р. Декарта, М. Джейкобса, Г. Лейбница, Г. Тейлора, В. Франкла, З. Фрейда, П. Элизбахера и многих других. Аргументация

¹ Синюков В.Н. Предисловие глазами теоретика правового регулирования // Серков П.П. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). М., 2020. С. 15.

положений, содержащихся в рецензируемой работе, сопровождается приведением антропологических, исторических, психологических, психиатрических, юридических, социологических и иных видов фактологических данных. Удивительным по разнообразию является и иллюстративный материал, помимо прочего, охватывающий описание физических опытов с водой (с. 391–395), ужасов концентрационных лагерей (с. 568–574), организацию племен древних австралийцев (с. 111), содержание молитвы оптинских старцев (с. 492) и др. Однако главное заключается в том, что направленность аргументации и содержание предлагаемых автором выводов по параграфам, главам и работе в целом ориентированы на поиск смысла права, его места в жизни человека и человечества в контексте сопоставления с механизмом правоотношения, что гораздо ближе к философии права, нежели к его теории. Показателен вывод, сделанный автором: «Итак, *consummatum est* (лат. свершилось), своего рода логическая цепь замкнулась. Выявление и обоснование механизма правоотношений началось с доказывания приоритетной важности объекта как объективного средоточения субъективных потребностей по сравнению с правом и обязанностью. При этом прояснились смыслы и закономерности движения идейного содержания правовых норм, а также их государственного психического принуждения. Рациональная логика возникновения и развития механизма правоотношений привела к сакральным аспектам сущности человека и социальной организации межличностного общения» (с. 686).

Учитывая избранный предмет исследования, П.П. Серков закономерно приходит к выводу о том, что, «исходя из реальности правовой действительности, эта многомерность объективно не может полноценно и всесторонне исследоваться какой-либо гуманитарной наукой. «Следует признать, что и юридической науке самостоятельное решение обозначенной задачи не осилить» (с. 349); «Своего рода экспертная взаимопомощь устранила настроения отраслевого “всезнания”, максимально снизит элементы неполноты и условности полученных знаний и относительно единой гуманитарной области» (с. 105). Такой подход существенно усложняет решение стоящих перед исследователем задач в силу их множественности и свидетельствует о научной смелости автора, а саму работу делает заведомо увлекательной, поскольку предполагает новый взгляд на, казалось бы, хорошо известные научные проблемы.

Первая глава монографии «*Нравственность и правовое регулирование*» определяет исходные условия, влияющие на методологию всего исследования. Здесь ключевое значение приобретают две основополагающие идеи. Во-первых, человек не должен рассматриваться юридической наукой исключительно в качестве статичного и абстрактного носителя определенных прав и обязанностей (с. 397). Во-вторых, в современной традиции принято рассматривать мораль и нравственность в соотношении с неопределенным пониманием права, а не с правовым регулированием, что в целом нельзя признать оптимальным (с. 46).

Развивая данные идеи, автор сосредоточивается на проблематике следующего уровня:

наряду с правом в цивилизованном обществе действуют и другие социальные нормы²;

² «Можно сказать, что принципы права вообще и принципы трудового права в частности выступают свидетельством взаимосвязи экономических, социальных, политических, нравственных и правовых категорий, сложившихся в исторически конкретном обществе...» (см.: Серков П.П. Указ. соч. С. 52).

мораль поставлена на первое место, т.к. по сравнению с правом предъявляет к человеку более высокие требования и выступает как критерий оценки права (с. 47);

«мораль и право в своем происхождении едины», но «право, основываясь на морали, тем не менее выходит за его пределы, не совпадает с ним» (sic) (с. 49).

Соглашаясь в целом с вектором направленности представленных суждений, думается, что возникают сомнения в обоснованности излишней категоричности некоторых положений.

Во-первых, по мнению П.П. Серкова, каждый отдельный взятый акт межличностного общения наполняет общественную жизнь благоприятной или агрессивной средой. «Между этими социальными режимами, скорее всего, не имеется каких-либо промежуточных состояний... гипотетически можно говорить о нейтральной среде... однако, учитывая действие причин и следствий, в реальности такое вряд ли возможно... столь жесткая альтернатива объясняется “простотой” социальной жизни, у добра один антагонист — зло» (с. 106). Полагаем, что в многообразии межличностных отношений неизбежно должны присутствовать такие, которые не просто допускают вариативность поведения, но и вообще трудно соотносимы с категориями «добро» и «зло». Кроме того, при таком подходе морально-нравственный регулятор становится абсолютным, с безграничным предметом воздействия, что в целом представляется неверным.

Во-вторых, однозначность утверждения относительно более высоких требований права, как представляется, не охватывает всего многообразия возможных характеристик этого тезиса. В частности, мораль как регулятор отнюдь не характеризуется единством содержания. Соотношение и набор приоритетов может зависеть от исторических, культурных, географических, профессиональных и иных факторов. П.П. Серков правильно отмечает, что «религиозные нормы могут относиться и к правилам морали (религиозная мораль), и к нравственности (религиозная нравственность), и к праву (нормы канонического права)» (с. 59). Соответственно, отказ работника аптеки продать родственнику тяжело больного, страдающего человека психотропное вещество по причине того, что в рецепте неправильно оформлен рецепт, неизбежно повлечет у разных людей принципиально различные моральные оценки. Следует также учитывать, что нравственность — это еще и подлежащая толкованию юридическая категория (например: гл. 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» КоАП РФ, гл. 25 «Преступления против здоровья человека и общественной нравственности» УК РФ), а в отдельных случаях необходимость учета мотивов прямо предусмотрена или предполагается законодательством (например, в уголовном или семейном).

Вторая глава монографии «*Нравственность конституционно-правового регулирования*» основана на не очень популярном, но правильном тезисе о том, что правовая действительность (включая правовое регулирование. — *Н.Ц.*) проявляется «не в статике терминов, а в сущностной динамике их протекания» (с. 538). Это гармонично расширяет горизонты исследования, существенно повышая его объективность. В цепи рассуждений ключевое значение приобретают верные тезисы о том, что «культура — выступает генетическим носителем нравственных ценностей» (с. 372).

Особое внимание уделяется вопросам взаимосвязи субъективных прав и обязанностей участников

правоотношений, обращается внимание на логику, порядок и проблемы их взаимосвязи. П.П. Серков отмечает, что «наличие закономерностей взаимодействия сознания и психики с названным содержанием (идейным содержанием правовых норм. — *Н.Ц.*) системно не выявлено... В теории права нормам права общепринято придана фактически “блуждающая” миссия из-за отсутствия системных объяснений, для чего предназначено их действие и каким образом они связаны между собой» (с. 271); «подлинные ценности отмеченного “тандема” (субъективных прав и обязанностей. — *Н.Ц.*), образованного социальной жизнью, остаются системно не осознанными, прежде всего юридической наукой» (с. 519). Не вполне понятна причина такой оценки, поскольку правоприменитель не просто носитель сознания, он еще и носитель соответствующей культуры, юридической и иной социальной ответственности, обладатель необходимых профессиональных знаний и опыта. Возможно, если бы проф. П.П. Серков привел конкретные практические примеры, представленный тезис был бы более понятным.

Не очевидной с правовой точки зрения представляется обоснованность утверждения о том, что, «подчиняя себя должному, человек не может приносить в сущее зло в любом его проявлении» (с. 369). Как представляется, «зло в любом его проявлении» — необоснованно широкая для данного контекста категория, поскольку охватывает, в т.ч. нередко диаметрально противоположные субъективные оценки поведения участников правоотношений, которые зависят от множества факторов и на которые правоприменитель не должен ориентироваться. При этом многочисленные нормативные акты, регламентирующие основы профессиональной этики, не оперируют терминами «добро» и «зло», что само по себе требует оценки.

Третья глава монографии, хотя и названа «*Опыты обобщения*», совсем не ограничивается подведением итогов. В формате самостоятельных параграфов рассматриваются нравственные основы доказывания в юридической науке и практике правового регулирования, ценностные аспекты правового регулирования, соотношение правовой теории и правовой действительности, отдельные категории правовой теории, правосознание и правовопонимание, нравственные начала и перспективы юридической науки. Остановимся лишь на некоторых положениях.

Отталкиваясь от бесспорного тезиса о том, что обоснование упорядоченности межличностного общения должно культивироваться юридической наукой постоянно (с. 432), автор приходит к выводу, что «без кардинального изменения методологии научной аналитики недальновидно надеяться на успехи в будущем» (с. 425). «Предел одностороннего восприятия правовой действительности, — отмечает П.П. Серков, — вероятно, наступил... право “уснуло” в чувствах, эмоциях и мотивах из-за объективной неспособности реально обеспечить упорядоченное удовлетворение потребностей в непростом межличностном общении “века сего”». Теория права в целом оказалась неспособной к погружению до такого уровня восприятия социальной и правовой действительности, однако... спасительная “тропа” для преодоления неизвестного в перипетиях конкретной ситуации “подсвечивается” системной логикой “работоспособности” конструкции его (правоотношения. — *Н.Ц.*) механизма» (с. 541). В итоге выражается уверенность, что «уяснение и использование механизма правоотношений способно привести общество и государство к успеху и даже величию» (с. 418).

Рассуждая о фундаментальных условиях успешного развития правовой системы, конечно, можно отталкиваться от различных приоритетов: от механизма правоотношения, принципов, предмета или приемов правового регулирования, субъектов права и т.д. Однако представляется, что ни один из этих элементов сам по себе не может гарантировать успех, залог которого кроется в их разумном согласовании. Тем не менее новизна подхода, оригинальность суждений, энергетика авторского повествования, широчайшее разнообразие приводимых суждений, мастерство владения терминологией уже сами по себе делают работу П.П. Серкова достойной самого внимательного изучения.

Полученные автором выводы, безусловно, носят фундаментальный характер. Какие-то из них еще предстоит осмыслить, какие-то будут опровергнуты в ходе научного обсуждения, однако бесспорным является то, что сама по себе представленная работа – это заметное событие в научном мире, приглашение к дискуссии, весьма успешная попытка внести новое в теоретическую основу решения актуальных вопросов прикладного характера, которых в реальности очень много.

На страницах своей монографии П.П. Серков рассматривает вопросы нравственности правового регулирования преимущественно применительно к отношениям государства (в лице его органов и должностных лиц) и человека как индивидуального носителя уникальных характеристик. Однако не меньшую, а может быть, и большую сложность представляют вопросы нравственности как существенное условие юридической профессии. И речь идет далеко не только о нравственных характеристиках законодательства, соответствующих тенденциях в современной нормотворческой и правоприменительной деятельности.

В монографии специально отмечается, что «чем выше уровень морального сознания членов общества, тем легче, безболезненно и бесконфликтно соблюдаются и исполняются нормы права» (с. 47). В целом соглашаясь с приведенным правилом, обращаем внимание, что оно имеет очевидные и весьма многочисленные исключения. Так, в соответствии с Основами социальной концепции Русской Православной Церкви «во всем, что касается исключительно земного порядка вещей, православный христианин обязан повиноваться законам, независимо от того, насколько они совершенны или неудачны. Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни. Он должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений

и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения» (п. IV.9). Приведенная формулировка, ограничивая условия для позиции гражданского неповиновения со стороны христианина, недвусмысленно указывает на возможность других несоответствий, которые для иных лиц могут оказаться решающими.

К сожалению, подобные проблемы не являются для большинства юристов редкостью. Речь, например, идет о ситуациях, когда привычные морально-нравственные ориентиры требуют большего сочувствия к обвиняемому, чем к потерпевшему, который своим аморальным поведением спровоцировал правонарушение, когда адвокат заявляет о невиновности преступника, в виновности которого он не сомневается, когда юрисконсульт, выполняя служебное поручение, отстаивает в суде позицию, которую сам считает нравственно несостоятельной, и т.д. Не секрет, что именно неготовность к ситуациям конфликта приоритетов различных социальных регуляторов есть одна из основных причин профессионального выгорания представителей юридической профессии.

* * *

Остается надеяться, что автор монографии проф. П.П. Серков – настоящий ученый, специалист-практик, обладающий богатейшим опытом судейской работы, – не остановится на достигнутом, а обозначенные в настоящей рецензии вопросы найдут отражение в его новых публикациях и станут предметом широкого научного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Серков П.П.* Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). М., 2020.
2. *Синюков В.Н.* Предисловие глазами теоретика правового регулирования // *Серков П.П.* Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). М., 2020. С. 15.

REFERENCES

1. *Serkov P.P.* Legal relations (the morality of modern legal regulation). M., 2020 (in Russ.).
2. *Sinyukov V.N.* Preface through the eyes of a legal regulation theorist // *Serkov P.P.* Legal relations (the morality of modern legal regulation). M., 2020. P. 15 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЦУКАНОВ Николай Николаевич – доктор юридических наук, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе) Министерства внутренних дел Российской Федерации; 660131 Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20

Authors' information

TSUKANOV Nikolay N. – Doctor of Law, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work) Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 20 Rokossovskogo str., 660131 Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia